

ББК 63.5-73

Р.А. Султангареева

Башкирские обряды – йола в свете правовых, морально-этических норм

R.A. Sultangareeva

The Bashkir Ceremonies – Jola in the Light of Legal, Moral-ethical Standards

Впервые освещаются правовая суть и значение традиционных йола – башкирской системы обрядов, запретов, норм поведения, морали и кодекса чести. В контексте обычного права рассматривается семейно-бытовой, целительный, управленческий фольклор.

Key words: йола-обряд, функция, право, этика, моральный кодекс, фольклор, нормы поведения, история.

Legal essence and meaning of traditional Jola – Bashkir system of ceremonies, prohibitions, rules of behavior, moral and honour code are discussed in the article for the first time. Family, everyday life, healing, administrative folklore is also considered in the given article.

Key words: Jola tradition, function, law, ethics, moral code, folklore, rules of behavior, history.

Йола в древнем башкирском обществе означал традиционно установленные нормы и правила, подлежащие неукоснительному соблюдению. В переводе слова «йола» допускается общепринятая русская аналогия «обряд», «обычай». Однако башкирский йола полисемантичен и включает не только понятия функциональных действий, хозяйственно-бытовых норм, санкций, но и канонического плана нормативы созидания жизнедеятельности общества в целом. Нравственные, правовые и культурные ценности также регулировались йола. Если «традиция» означает систему повторяющихся правил, установок жизни общества, то «обряд» представляется как частное функциональное действие, отправляющееся в рамках системы для санкционирования событий. Йола же на правовом уровне регламентирует целую систему действий и принципов поведенческого, художественно-исполнительского, целительного, управленческого, социально-психологического и биологического направлений.

Полисемантизм алтайского и башкирского йола отмечал еще А. Инан, обозначив его как «душа», «дыхание», «кровь», «огонь» [1, с. 185]. Древним значением слова «туря» (глава рода, начальник) было закон, йола [2, с. 28], что предполагало обязанности управлять родом, общиной строго по законам и нормам отцов и дедов, имевшим тысячелетнюю практику, опыт и гаранты. Созвучное слово у чувашей *йала-йерке* означает «миропорядок, правило», у финно-угров *jiola* – «правило, жизненная сила», у алтайцев – «душа, сила, норма», индогерманцев – «йоль» т.д.

Происхождение слова «йола» восходит к этрусско-минойской традиции написания жизненных законов на золотых дисках, называемых «jula» – юла. Как заключает Ф.Р. Латыпов, древней формой названия диска в тюркских языках могло быть «zulac» [3, с. 162]. Так, название предмета в дальнейшей эволюции передает содержание явления: юла – йола – это неизменные, циклично повторяющиеся и подлежащие обязательно исполнению предписания. Все это свидетельствует о том, что в первоначальном осмыслении башкирский йола имел правовой статус закона.

Йола соединяет понятия «норма» (поведение, этикет, порядок работы, отношений), способ (хозяйственная деятельность), «право» (правила закона, поведения, долг и обязанность), «целительство» (лечебные практики), санкции возраста (инициальные обряды, свадьба, погребение) и т.д. Различаются формы йола по функциям и способам действий: йола строительства дома, охоты, рыбалки, а также проведения состязаний, праздников и т.д. Охватывая все формы жизнедеятельности, йола проводит идею законопорядка, пранормы общества.

Истоки и архаичные формы башкирского йола как метода ведения жизни, гармонизации хаоса в миропорядок отражены в эпосе «Урал-батыр» (наказание несовершеннолетних за распитие звериной крови, человеческие жертвоприношения богу Тэнгри, выбор жениха одариванием эротическим яблоком, жертвенные обряды потопления девушек и сжигания егетов в огне во имя здоровья Катилы и т.д.). Против замысла жестоких йола борется основной герой эпоса – Урал-батыр. Этот мотив противостояния героя варварским

обрядом свидетельствует о необычайной древности эпоса «по сравнению с трагедиями Эсхила» [4, с. 15].

Заявление Урал-батыра о своем предназначении творить лучшие законы и «убить самую Смерть» представляется как первичное право носителя йола, т.е. закона уже сложившейся системы. Этот эпизод обнаруживает созидательный образ мысли человека новой эпохи, так как устами демиурга оповещается право и долг бороться за человеческое и уничтожать все, что угрожает безопасности человека. Таким образом, в эпосе акцентирован основной правовой принцип «Кеше хақы» – ценность человека в праве: «Издаю я иду, Убить Смерть путь ищу, Спасти Человека мыслю, Вот такой я Батыр. Нет мысли кроме Добра» [5, с. 71].

В эпосе слово «йола» встречается много раз, и оно синонимично понятиям «право», «закон», «гармония», «честь-намыс», «порядок».

Правомерно считать, что система, в которой действуют каноны строгих правил, норм, претендует на статус государства со своим законом. Таковая система с существующими пранормами – йола и вырисовывается в эпосе «Урал-батыр», относящемся к X–IV тыс. до н.э., имевшем 4-тысячелетнюю историю существования [6, с. 146]. Эпическое действие начинается с нарушения семейного йола – отцовского слова (Шульген, перечая отцу, выпивает звериную кровь с ракушки) и заканчивается провозглашением Урал-батыром всенародной идеи самопожертвования во имя добра и созидания, а значит, во имя благ человека. Борьба против зла, нацеленность на добрые деяния в общем и целом сводятся к эпохе становления национальной идеологии башкир – идеологии добра («Якшылык»), которая и провозглашается Урал-батыром своему народу.

Идея утверждения и творения добра согласуется с понятием йола, содержащем замысел народного кодекса чести – намыс. В своем развитии запрет не пить животную кровь (метафора насилия, агрессии, нарушения половозрастных прав, осквернения кровнородственных связей) перерастает в народную идею не пить стоячую воду: она олицетворяет зависть, алчность, зло, разрушающие будущность страны:

Не пейте воду из этих озер –
Только болезни от них и мор.
Воду их обходите стороной,
Пусть потеряют злодеи покой [7, с. 328].

Так, запрет как форма регулирования желаний и ограничения прав предвосхищает формирование новых йола, приравняемых к моральному закону рода, общины. Известно, что древнегреческое слово *nomos* как кодекс чести, родовой закон соответствует древнетюркскому слову *sak'n* (русское «закон») и означает нравственную категорию, «извечный абсолютный закон для бесконечной вереницы поколений» [8, с. 169]. Соблюдение предписаний гуманных йола

(в эпосе – послушание отца, почитание старших, помощь обиженным, спасение рабов и т.д.), таким образом, становится гарантом соблюдения и охраны чести – намыс, древней культовой ценности у башкир (моральный облик, совесть).

Феномен йола как свод этико-правовых норм, требующих безукоризненности исполнения, поныне устойчиво сохранен в традиционном башкирском этносознании. Сообразно ситуациям, а также изменяясь во времени (древние языческие запреты, шариат, ислам, современное право и т.д.), принятые народом нормы поведения приобретают статус законности, общественного права (языческий культ девственности корректируется исламскими запретами добрых связей нареченных и санкционирует религиозный акт бракосочетания, обязательность кровных жертвоприношений заменяется бескровными дарами и т.д.).

К середине XX в. доминирует новое право социалистического общества, а законность народных предписаний йола ослабевает, принимая символический характер. В то же время установка сруба дома, ритуалы именнаяречения, хождение невесты по воду, коллективные сезонные празднества и подобное проводятся по йола с соблюдением принципов «йола хақы», т.е. сохраняя ценность и нормативы обрядов.

Йола – духовный и практический жанр народного творчества, многофункциональный жизневедческий институт, основным лицом, героем, участником и исполнителем в котором является человек. В йола концентрирован жизнесмысловой мир и идеал поведения человека в быту, в решающие моменты, также долг, обязанности, нравственные принципы, отношение к природе, к себе самому. Отсюда йола имел силу нравственных норм, искони защищающих права, потенциалы и гаранты индивида быть Человеком. Идеологическую, функционально-тематическую суть народного обрядового творчества йола составляют принципы обережения человека, его чести, совести и учета «ценности в праве» («кеше хақы»).

Концепт «кеше хақы» в башкироведении еще не изучен и не проанализирован ни с юридически-правовой, ни с нравственно-этической, ни с философской точек зрения, тогда как «ценность человека в праве» представляет идейную и функциональную основы древнетюркской правовой (обрядовой) культуры и обществоведческой практики. Право человека на совершенствование себя в добре, идеи учения о ценности человека по самому его бытию восходят к мифологическому осмыслению культа Жизни, противостоящей Смерти и маркируют основные нравственные принципы поведения человека, живущего по нормам йола.

В колыбельных песнях маленькому члену рода (еще не понимающему значения слов!) поясняются основные права и нормы поведения в обществе, даются знания о своем статусе: «Баю-баю, он заснет,

А затем и вырастет, Стране опорой будет он! Красою страны будет он! Станет доблестным героем». «Старшего отца твоего – дедушкой зови, Старшую матери твоей тетей – сестрою зови» [9, с. 288, 297].

В банных речитациях (песнопения, исполняемые во время купания ребенка в бане) даются уроки дорожения временем и порядком: «Ложись и спи, встань и играй! В чистоте тело и душу держи!»

Учением «кеше хаки» регулировались духовная и имущественная доля, кровное право и общественный статус индивида. Так, ценность нареченной невесты была выше ценности (права) ненареченной, потому первую окружали особым почитанием и вниманием, уподобляя ее домашнему божеству. На невесту налагались особые задачи и обязанности: «Будь чище воды текучей, Осторожнее сороки будь, Белее яйца будь», «Мужа уважай, род не срами!» [9, с. 470, 472]. По нормам обычного права свято оберегались статус, ценность – «кеше хаки» – соседа, мужа, старшинства. «Мужу слова поперек не смей сказать, невестка! В спор с соседом не встревай, тех, кто старше, почитай!» [9, с. 470]. Особое наставление получает невеста по поводу обережения чести, права мужа «ир хаки»: «Отдала тебя дочь в знатный род, Блюди ты, дитя, право мужа. Двух миров не увидит благодать, Женщина, не почитая право мужа» (записано в 1992 г. в дер. Худайбердино Кугарчинского района от М. Азнагуловой 1920 г.р.).

Понятие «хак» предполагало и защиту материальных ценностей. Дары, деньги, предназначенные невесте, в свадебно-обрядовой практике называются «кыз хаки» – «цена за девушку» или «правоценность девушки» и предполагают как моральную, так и экономическую защиту личности молодой. Не выплатив этот хак (калым), жених не имеет права входить в супружеские отношения с нареченной.

В обществе действовали строгие правовые запреты и нормы общения, оберегающие душевное и психологическое благополучие: «нельзя обижать человека – ибо каждый есть провидец», «дорожи правом соседа – он око Ходая», «гнев отца дорогу закроет – не срами отца» и т.д.

Установка и степень наказуемости за нарушение прав (запретов, предписаний) свидетельствует о законнотворной силе йола в прошлом. Нарушение обычного права в раннеклассовом обществе осознавалось как преступление.

Память о правовой силе и особенностях йола запечатлелась в обрядовом фольклоре. Несоблюдение йола (неверное отправление, неуважение правил и т.д.) квалифицируется как осквернение духов предков, покровителей рода, от милости которых зависели целостность и упорядоченность мира. Отсюда наказания для тех, кто нарушал или не соблюдал йола: если во время получения сакрально чистого огня – «сыгыр уты» у кого-либо в деревне оставался в печке уголек,

у того уводили и забивали скот, угощались мясом; если кто оставался сухим после массовых обливаний водой во время закличек дождя, то забирались на крышу его дома и проливали воду в печную трубу. Таким образом маркируется «йола хаки» – самоценность обычая, обряда. С изменением общественного строя и развития новых отношений обычное право начинает терять статус законности.

Йола системно регулирует проведение идей «кеше хаки» В народе до сих пор бытуют выработанные за многие столетия изречения правового уровня, отражающие представления о долге, моральном облике человека: «Кеше хаки – Тэнре хаки» (Право человека – это право, ценность Тэнгри); «Ир хаки Тэнренэн» (Ценность мужчин заведена самим Тэнгри).

Правовыми нормативами «хак» оберегаются духовные, нравственные и материальные ценности, принадлежащие к достояниям коллектива, рода, человечества. Отсюда традиционные понятия «йола хаки» (ценность обряда), «йыр хаки» (ценность народной песни), «ырыу хаки» (ценность, честь рода), подразумевающие особый статус обережения ценностей. В этом контексте «хак» предполагает неприкосновенность родовых достояний, передачу поколениям в их самоценности и неизменности. В среде знатоков старины действует осуждение, а иногда и наказуемость тех, кто нарушает йола, традиционные правила куреш, допускает ошибки в исполнении народных песен, мелодий, танцев и т.д.

В нормативных предписаниях «хак» запечатлелись сведения о выработанной народом системе обязанностей и правовой защите человека. Так, в рамках йола-правовых предписаний четко разграничивается и соответственно охраняется возраст («есть право старика, есть право дитя»); учитывается вклад в общество («ценность ленивого и трудолюбивого не равны»), половые различия («хак мужчины и женщины не одинаков: и долю, и права их нельзя путать»), физиологические особенности («священна беременная женщина – обидеть ее – навлечь беду себе»). Обеспечивается неприкосновенность личной собственности каждого – «кеше хаки» («не зарься и не отнимай долю чужого – иначе судьба отнимет больше»). Поведенческие запреты охраняют обаяние и природные достоинства женщины («не повышай голос, уйдет и красота, и пол твой изменится»); регламентируют статус старшинства: «Оло хакин олола» (Почитай старшего), «Атайзан алда атлама!» (Вперед отца не иди (в пекло)); «кыз олошо алдан» (доля-хак девочки вначале). Согласно последней заповеди за трапезой первый кусок мяса подают девочке. Множество других норм человеко- и обществоведения обобщает учение «кеше хаки», некогда четко и системно регулировавшее существующие общественные, родовые и семейные противоречия.

Система прав сформировалась в этногенетическом сознании народа за тысячелетия и по сути обеспечила нормативное развитие человеческих отношений в обществе. «Кеше хакы» – это народное учение о ценности и правах человека по самому его естественному бытию и существованию, а официальный хокук – это право, даваемое человеку современным социумом. Человеческий «хак» – это право, которым индивид обладает от природы и по жизни реализует его, организует жизнь, творит себя в рамках предписаний чести – намыс.

Равноправие всех граждан, заявленное в современном законодательстве, противоречит нормам традиционного йола – кодексу чести и совести. Обнаруживается изначальная конфликтность, происходящая в институте семьи, труда, человеческого поведения в обществе и т.д. Если за пренебрежение или нарушение родовых обычаев, норм этикета и морали раньше следовало наказание, то в современной жизни это равноценно «нарушению прав человека», поэтому виноватый чаще всего оказывается правым.

Важнейший институт любой системы права – право собственности. Закрепление отношений собственности разработано в нормах башкирских свадебных обрядов. Так, жених не имеет права привозить к себе домой невесту, если еще не выплатил калым; все свадебные дары являются собственностью невестки, а при случае смерти мужа мал (добро, скотина) остается за ней; только после преподнесения специального подарка жених может назвать отца невесты «бабай» и т.д. Институт левират призван сохранять как материальное, так и нравственно-моральное равновесие, устойчивость семьи: женившись после смерти брата на его жене, т.е. на своей снохе (енге), младший родной брат покойного берет обязательства заботиться о его детях и крепко сохранять заработанное им имущество.

Имущественное право формируется на фоне категорических запретов (норм йола) захватывать чужие и общеприродные богатства. Йола здесь указывает на целую систему прав и обязанностей, запретов и дозволений, мер наказаний и поощрений, которые безукоризненно соблюдались: вырубка леса, ловля птиц, зверей допускались по согласованию со старейшинами рода. Традиционные нормы наказания по йола действовали и тогда, когда нарушались установленные сроки пользования природными ресурсами. Так, в летний нардуган (с 25 июня по 5 июля) строго запрещалось охотиться, закалывать животных, так как считалось, что это время плодородия Матери-природы, разрешалось только собирать целебные травы.

Отношения «человек-природа», обязанности охраны среды запечатлены в строгих запретах, представляющих собой первичные экологические знания, фольклоризованные формы ограничений прав: не убивай лебедей – весь род вымрет, не загрязняй воду, не плей в нее – могила твоя заполнится водой, не руби

одинокое дерево – болезнь настигнет и т.д. Бытует множество сюжетов о последствиях нарушения норм неприкосновенности культовых птиц, животных: кто убил белую змею – тот лишился семьи, если застрелил лебедя или журавля – весь род его вымер, если срубил дерево на кладбище, то сошел с ума, осквернил воду в святом источнике – остался без крова. В подобных знаниях заключена идея о том, что Природа не столько наказывает (как принято считать), сколько лишает покровительства того, кто нарушает извечную гармонию в ее жизни. В одной башкирской народной песне глубоко достоверно переданы мотивы единства человека с природой, идеи жизненной устойчивости, воспроизводства и выживания, обусловленные любовью и бережением великой Природы: «Пока Природа будет матерью твоей, За одного тысячу батыров родит. Но если страну враг заполонит, Урал-отец весь мир перевернет!».

В контексте имущественного права показателен обычай передачи и обережения родовой тамги, обозначающей знак собственности. Выделившийся из семьи какой-либо ее член получает часть имущества, на котором имеются семейные тамги, и далее может внести какие-либо изменения, добавления в нее [10, с. 260]. Такие же правила распространялись на владение наследственными умарта (пчелиный улей), домом, землей, скотиной. Обычай отдаривания именного пчелиного улья проводился по исполнению двенадцати лет младшему сыну пчеловода. Дедушка произносил внуку благопожелания: «Будь трудолюбив – только при таких условиях сохраняется кут (благополучие) рода!», затем давал наставления и знакомил наследника с его обязательствами. Традиционное не только вещное, но и знаковое право регламентировал йола, предписывающий, как отмечал С.И. Руденко, что только единственный сын или невыделившийся из семьи сын (чаще всего младший) имел право наследовать тамгу отца без изменений.

Тамга – сакральный, закодированный знак, принадлежащий только одному роду, аймаку или частному лицу. В знаковой символике ее запечатлены сведения об этнической, родовой идеологии и философии, особенностях жизневедения народа. Тамги на ульях, бытовой утвари, одежде и подобном представляли собой родовую ценностную эмблему, обладающую охранительной и покровительствующей силой. Соответственно этому действовали и нормы защиты: никто не имел права портить, присваивать тамгу, а посягнувшие на знаки родового благополучия получали жестокое наказание. По истечении времени видоизменяясь и приобретая свойства эстетических узоров, тамги не теряли своей функциональности и сакральности. Так, во время накладывания на войлок главного узора кушкар (рогообразный узор) произносятся специальные аяты (молитвы), а по окончании работы устраиваются коллективные угощения обрядовой кашей. Рогооб-

разный узор, в котором орнаментируется свастика – символ вечного созидательного движения, проводит магию благостей, изобилия, также считается могучим производительным и охранительным знаком.

В йола системно разработаны категории поощрения и наказания, нормативы дозволений и ограничений. По народному обычному праву в наказаниях имелись элементы психологического воздействия на вора. «Если обнаружится у кого-либо пропажа, собираются семь бабушек-абыстай из семи улиц и выносят вору приговор, о котором оповещают всю деревню: мол, они будут сжигать волчьи жилы и «преступник скорчится подобно этим жилкам». Свой приговор семь женщин дополнительно доводят до сведения семи улиц: если в течение трех дней вор не вернет принадлежащее хозяину, то начнут приводить в исполнение жестокое наказание, т.е. сжигать волчьи жилы. Вор, испугавшись, возвращал пропажу, если же уже начал использовать чужое добро, то медленно умирал, дергаясь в судорогах, подобно горящим волчьим жилам. Народные судьи жгли жилки медленно, чтобы вор мучился долго, а остальным было бы неповодно так поступать. При сжигании жилок произносили магические заклинания: «Волк, волк, волк мой! Беда на голову пришла, Сам скажи, приди ко мне, Слезами полные глаза. Волк, волк, волк ты мой, Лошадь моя в руках вора, Пусть иссохнет он по дороге, Проклятие мое таково!» [11, с. 110]. Магический обряд восходит к тотемистическим воззрениям почитания волка, в ранней истории башкир имевшим большое место. Жестокими мерами наказания регулировалась сохранность имущества. И не только. В целостном соблюдении обычая наказания затрагивается и духовное право. Воровство – явление вневременное, внеисторическое, отсюда оно входит в рамку человеческой психики, конфликтной по своей сути. Специфика прав архаического общества в том, что показательна символика руки и действия, где захват (действие руки) уже означает фактическое владение имуществом. Отсюда к каре преступника призываются методы наказания: соответствующие слова и действия рук; также для установления справедливости привлекаются и магия, и психогипнотические действия.

Ценность и целостность семьи как достояния родового значения охранялись коллективом. Жесткие меры наказания полагались за супружескую измену: провинившихся избивали камнями, водили обоих по деревне и закидывали гнилой картошкой, битыми стеклами, замазывали лица сажей и изгоняли из рода. При случае, если невеста оказывалась нечестной, жених имел право вернуть ее отцу, расторгнуть брачный договор, посадить на раскаленные камни бани для признания и т.д.

Клевета, словоблудие, послушание, пренебрежение и несоблюдение семейных обычаев, человеческих прав, умаление мужнего и жениного, сыновнего,

дочернего хака и подобное относятся к группе нарушений, наказываемых менее строго. Традиционная система наказания по йола носила жесткий, а потому и результативный, и гуманный характер. Измена или разглашение врагу родовых тайн карались смертью: виновных топили в воде, запускали в болото, привязав на ноги тяжелые камни, изгоняли в степь, завязав руки и т.д.

Родовой (коллективный) хак соблюдался строже, чем индивидуальные амбиции одного человека. Хак батыра – родового героя был ценнее и выше хака рядового члена; правоценность старейшин имела главную роль в йыйын (собраниях родов), праздниках, коллективных обрядах по сохранению мира, природы, здоровья рода и т.д.

Согласно четкой дифференциации возрастных прав существовал строгий запрет говорить плохо о старших по возрасту, родоначальниках, беях и т.д.; во время битвы сразиться в поединке могли только воины, равные по рангу: т.е. полководец с полководцем, рядовой с рядовым. Особой жесткостью отличались боевые правила и способы наказания трусов, клятвопреступников: с их одежды сдирали знаки различия или рода, снимали головной убор, а над головой ломали саблю. Часто применялся «суд стрелы» («ук хокомо») для решения спора между воинами. Выясняя свою правоту, воины предварительно договаривались, сколько раз будут стрелять; становились на вершинах двух холмов и по команде судьи одновременно отпускали стрелы. Пораженный – виновен, если никто не задет, то считалось, что оба безгрешны [12, с. 18].

В народе до сих пор бытуют легенды о том, что с вершин гор стрелялись великаны-батыры (горы Ярыштау и Балкантау в Давлекановском, Нарыстау и Дүрткелтау в Миякинском, Ханайхыры и Шайтанхыры в Альшеевском районах Башкирии и т.д.). Эти легенды являются осколочной памятью о древних воинских обычаях решения споров. На фоне разнузданного современного черного пиара, подмены демократии беспринципной вседозволенностью очевидны серьезные упущения современного права, не учитывающего исконно народные правовые нормативы человеческих, общественных отношений.

Достоинство человека и его соответствующий хак регламентируются не столько высоким положением, старшинством и местом в обществе, сколько знаниями, моральными качествами и духовным богатством. Идеи о духовном праве, также поддерживаемом нормами йола, отражены в шежере – родословной минского рода башкир: «Время Казанфари бея – спор двух Кильметов». Канзафар бей обращается к народу с такими словами: «Знайте, не будьте равнодушными, умный поймет, а у глупого в одно ухо войдет, из другого уйдет. Повторяю слова имама хазрета Агзяма: тот, кто не знает историю своего рода – не имеет права

предстать перед правителем и вести речи с ним, а тот, кто не способен предвидеть будущее – не может быть правителем». Это было в 956 г. [13, с. 248–250б.]. Так, право быть правителем (признанным лидером) имелось только у тех, кто знал и ценил свою историю, язык, обычаи, был образован и, следовательно, уважал историю других народов. Указанный исторический источник фиксирует высокий правовой статус образованности, а также традиции соблюдения норм иерархии, духовности, ответственности как подчиненного, так и правителя. Мудро и глубоко достоверно в шежере выражена идея об основах нравственности: ырыс (достоинство) и закон кровнородственных связей – намыс (честь).

Йола действовал как правовой ценз в народных играх, спортивных действиях. Нормы и правила курэш (национальная борьба) предполагали безукоризненное соблюдение следующих приемов: почтительное приветствие соперника, поднятие от земли и бросание на землю через голову, выход на победителя, обязательное отдаривание полученного приза аксакалу или одному из почетных гостей майдана. Обряд (йола) борьбы курэш предполагал соблюдение суровых законов и правил, заведенных предками: запрещалось ставить подножку, хитрить – бросать через бок, увертываться и подставлять колено, давить поясом на почки соперника, кричать, опираться коленями на землю и т.д. Существует предание глубокого смыслового содержания, где нарушение йола в состязании курэш оборачивается смертью победителя. «Поспорили три брата – Илекей, Даут и Кулуй Балтасов и решили тягаться в силе. “Кто трижды выйдет победителем, тому будут принадлежать земли, красивейшие поля, леса...” Согласно уговору, земля досталась Илекею, победившему в силовом соперничестве. Илекей батыр, однако, прожил недолго, вскоре он быстро оставил этот свет. Перед смертью он сказал: “Тогда, во время борьбы, я испугался, что Балтас своим громоздким телом раздавит мне грудь и дважды дал себя побороть. Потом, три раза подряд сам положил Балтаса. Кажется, я надорвался. Думаю, хворь моя – в наказание за мой грех. Я тогда поборол Балтаса, потому что подставил колено. Поэтому грешное тело не хороните на священной земле – зыярат. Похороните меня на той сто-

роне – за рекой”» [14, с. 268]. Так, нарушение закона борьбы курэш приравнивается к осквернению духов родовых божеств, за что следует наказание смертью. Осознавший свой проступок настаивает на соблюдении справедливого возмездия: по правилам йола он как грешник не имеет права быть погребенным в зыярат (кладбище) наравне с благоверными. По нормам обычного права виновных в самоубийстве или умерших от пьянства, забитых камнями за воровство, измену мужу или жене хоронили не в зыярат, а отдельно от ритуально «чистых», и это место называли «кафырлар урыны» – место неверующих. Башкиры, верующие в вечную жизнь души, корректировали поведенческие нормативы, разделяя земное и потустороннее пространства: за великое благо считалось быть прощенным, благословленным всем родом и захороненным в зыярат или каберстан (кладбище).

Освещая эти материалы, мы не претендуем на правовой их анализ, вместе с тем акцентируем законность, традиционную каноничность нормативов жизни древнего башкирского общества, которые более системно сохранились в йола, обеспечившем духовную, моральную и материальную устойчивость, защищенность как коллектива, так и индивида.

Башкирский йола охватывает не только функции упорядочения и контроля существующих социальных, родовых, религиозных отношений. В нем просматриваются глубинные универсальные механизмы, затрагивающие общечеловеческие моральные ценности и достоинства. Эти неписанные, но строго соблюдаемые в течение веков йола были призваны регулировать как межродовые, межличностные, так и государственные отношения, нормы поведения в природе, обществе, систематизировали процессы развития искусства, народной медицины, хозяйствования (это предметы специального исследования). В традиционном жизненном принципе «йола буйынса», т.е. поступать по законам йола, заключены экологические, морально-этические, правовые и здравоохранительные установки, по сей день соблюдаемые в сельской местности республики. Как и в древнем обществе ацтеков, в Индии, Египте, древнем Востоке [15, с. 182], этические, моральные нормы составляли жизневедческую, социоправовую основу башкирского общества.

Библиографический список

1. Инан А. Шаманизм в истории и сегодня. – Уфа, 1998 (на башк. яз.).
2. Кусимова Т., Биккулова С. Башкирские имена. – Уфа, 2000 (на башк. яз.).
3. Латыпов Ф.Р. Исследование этрусского и минойского языков на основе фоноэволюционной пратюркской гипотезы и комбинаторно-частотных методов. – Уфа, 1999.
4. Галлямов С.А. Башкордская философия. Этика. – Уфа, 2005.
5. Башкирское народное творчество. Т. III: Эпос / сост., авт. вступ. ст. А.М. Сулейманов, М.М. Сагитов – Уфа, 1998 (на башк. яз.).
6. Галлямов С.А. Башкорды от Гильгамеша до Заратустры. – Уфа, 2005.
7. Урал-батыр : башкирский народный эпос (на трех языках) / вступ. ст., подг. текстов Ф.А. Надршиной. – Уфа, 2003.
8. Ярхо В. Драматургия Эсхила. – М., 1978.

Башкирские обряды – йола в свете правовых, морально-этических норм

9. Башкирское народное творчество. Т. XII: Обрядовый фольклор / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Р.А. Султангареева, А.М. Сулейманов. – Уфа, 2010.

10. Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологических исследований. – СПб., 1955.

11. Башкирское народное творчество. Т. I: Обрядовый фольклор / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.М. Сулейманов, Р.А. Султангареева. – Уфа, 1995 (на башк. яз.).

12. Мухамедьянов С.А. Этнопедагогические очерки. – Уфа, 1998.

13. Башкирское народное творчество. Кисса и дастаны / сост. Г.Б. Хусаинов, А.М. Сулейманов, М.Х. Надергулов ; авт. предисл. А.М. Сулейманов, послесл. Г.Б. Хусаинов. – Уфа, 2004 (на башк. яз.).

14. Башкирское народное творчество. Предания и легенды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. – Уфа, 1987.

15. Баглай В.Е. О правовой основе древнеацтекского общества // Вестник древней истории. – М., 1982.